

Алексей Козлов

Дудль Вэдул Майдан

Стихотворения и поэмы

Алексей Козлов
Дудль Вздул Майдан

«Издательские решения»

Козлов А.

Дудль Вздул Майдан / А. Козлов — «Издательские решения»,

В книге представлены стихи и небольшие поэмы, разного времени, в основном — гротескные и сатирические. Оформление — автора.

© Козлов А.

© Издательские решения

Содержание

Тогда	7
Салют Киплингу	7
Наш стрелок	8
Саксонам нравится править	9
Последняя речь Камерона	10
Баллада о том, как Шендеровича побили (Скорбная)	11
Английское Танго	14
Наш Ла Манш!	15
Настоящий художник	16
Как устроен мир	17
Самый Клёвый Человек	18
Троя	19
Рим	27
Хорь и Калиныч	36
Старые стихотворения	42
Ласточка	42
Виргинский лес	43
Jack Steal Hut	44
Сенегал	46
Лава	48
Рокки Енот	49
Частушка на смерть радиозвезды	50
Свирель	51
Червяки	52
Вижу	53
Два града	54
Русский узор	56
Один	57
Когда же?	58
Болтовня	59
В пути	60
Лондон	61
Порнодино	62
Чаепитие в Мытищах	67
Песня Путника	68
Горе от ума	69
Год печали	70
Партии – слава!	71
На ложе	72
Аргонавт	73
Хорошо учиться	74
Молошник	75
Кому я давал присягу	76
Бедность	77
Сфинкс	78
Не допускай!	79

Белее снега	80
Слова любви	81
В сердце прекрасного бога	83
Ревущая лавина	84
Вместе	85
Целая шкура	86
Мяч	87
Моли из Платяного Шкафа	88
Баон	89
Весна	90
Колокол	91
Песня на досуге	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Дудль Вздул Майдан

Алексей Козлов

© Алексей Козлов, 2016

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тогда

Салют Кипплингу

...Когда обременённый долгой жизнью,
Узрел в окне творящееся там,
И с ужасом узнал свою отчизну,
Как плод гнилой, отдавшийся врагам,
Когда без слёз не вспомнишь зла бывшего,
И новое не волен вдруг простить,
Когда навек утратил веру в слово,
Сил не имея дело применить,
Когда не веришь никому в печали,
И понял, наблюдая за толпой,
Что твой корабль от берега отчалил,
И только буря воет за кормой,
Когда народ твой – тягловая сила,
Убит и истомлён в пути чужом,
И в пчельне – у вампира все кормила,
А честным насыпают сгнивший жом,
Когда вокруг все лучшие убиты,
А худшие размножились давно,
И в небе меркнут вечные планиды,
В слизь превращая красное вино,
Когда твердят безумцы: «Круг – квадратный,
Удел твой – мореплаванье в бидэ!»,
И утешают мыслью превратной,
Что первородство – суть ЛГБТ,
Когда алмазы заменяют гомны,
А Солнце подменяет мутный сон,
Когда подносят одру – яд церковный,
Наивно полагая – ты сметён,
Когда вокруг не слышны даже стоны,
И здравый смысл в безверии угас,
И служат беззаконию законы,
Безсилью потакая всякий час,
Когда в акридах копошатся гниды,
И доедает пряники беда,
И лазят по вершине пирамиды,
Клауны Твидалди и Твидалда,
Когда безумье полагает браво,
Что ты как червь земной согнут дугой,
Тогда, мой юный друг, имеешь право
Оружье взять свободною рукой!

Наш стрелок

Не Кремль Нам силы придаёт,
Не наш поверженный Народ,
Не свора избранных ворюг,
Из Нас сосущих сок,
А наш соратник, Брат и Друг
По имени Стрелок!
Лупи врага! Иди вперёд!
Весь за спиной твоей – Народ!

Саксонам нравится править

Саксонам
нравится
править,
Саксоны любят лукавить
И плавать верхом по воде.
Саксонам нравится грабить
Того, кто спит в хомуте!
Саксоны – умные шкеты!
Саксоны любят банкеты,
Разнашивать модный прикид.
Саксонам нравится править,
Едва ли возможно представить
Таких
омерзительных
гнид!

Последняя речь Камерона

Ухожу из Единой Европы!
Жду от Фунта благих перемен!
Снова минет английские попы
Озверелый, б..., крупповский член!
Не нужны нам чужие обеты!
Нам не нужен Игіловский гой!
И под юбкой своей Лизаветы
Обретём мы навеки покой!
Ухожу из Единой Европы!
Увожу канонеркой Биг Бен!!
Пусть же минет английские попы
Озверелый, б..., крупповский член!

Баллада о том, как Шендеровича побили (Скорбная)

Не знаю уж, в брюхо ли, в око,
По жопе, иль розе ланит,
Побит Шендерович жестоко,
Заступник народный побит!
Удел его койка и клизма.
Бандитами взят в оборот
Борец с среднерусским фашизмом,
Во шлеме Мамбрина Кихот!
Рыдает народ до Лопасни.
Он жёг креатив, ого-го!
Мы помним прекрасные басни,
И чудные песни его.
Его фелетоны прекрасны,
И слог его дивно остёр,
Побит, и цветок его красный
Каратель закинул в костёр
Гуляют довольные лица
В день летний – прекрасный такой
На площади нашей столицы
Побит Шендерович ногой.
Трудился он, пажити роя,
Шёл к людям, напорит и смел,
Но кривда настигла героя
В расцвете таланта и дел.
К полудню над речкою чистой
Заливисто пели дрозды.
Поймали его экстремисты
И вмиг наваляли...
Два хука, пинок и подножка.
Он локтем ответил вралю,
И крошка – случайная кошка
Безвременно пала в бою!
Да, люди есть тёмные просто,
Живут, не пришедши от сна,
Им по фигу дым холокоста,
Народа святого не зна...
Побит Шендерович речистый,
И гордо построившись в ряд,
Собранья господ сионистов
Преступников вновь костерят.
От боли, позора, от скорби
В начале начальных начал
Зашёлся в стенаниях Горби,
И сам Нетаньяху рыдал.
Исус, Макковой и Иона.

И каждый подумает тут,
Что в нашей юдоли закона
Одних Шендеровичей бьют,
Гоняют, стреляют, как в тире,
Ничуть не жалея мусал...
О лишь бы возрастала сатира,
О лишь бы он правду писал!
Они с нами рядом бродили,
А может – и ныне стоят
Те, кто Шендеровича били
Жестоко, толпой, невпопад.
Глумился над падшим в зените
Своих неоконченных дел,
И амбивалентные нити
Порвать каблуками хотел.
Так нравилось это сатрапу,
Он даже не вынул чеки,
Топтал он фетровую шляпу,
Давил сапогами очки!
Замолкла на ветке синица,
Узревши в пыли сапоги,
Как будто блевали в криницу
Отчизны великой враги!
О что они здесь напороли!
Как сделать такое могли?
Как будто н... в престоле,
Как будто бы будто бы ли!
Не выйдет такая затея!
Мы этим щенкам не дадим
Сорвать это знамя, что рея,
Незримо трепещет над ним!
Есть, есть воздаяние в мире,
Здесь встанет стена, фолкштурмист!
Здесь каждый четвёртый – сатирик,
А третий почти что юрист!
Напористо, дружно и исто
По мере таланта и сил
Союз кинематографистов
Злодеев к столбу пригвоздил.
Сомкнуты угрюмые брови,
В лазоревом глазе – весна.
Жестоко побит Шендерович,
За дело ль, без дела. Кто зна...
Летят самолёты в Тамбове,
Идут в Стантинопль корабли...
Жестоко избит Шендерович-
Пророк нашей Русской земли
Не знаю уж, в брюхо ли, в око,
По жопе, иль розе ланит,

Побит Шендерович жестоко,
Великий российский пиит!

Английское Танго

Вот чего игра в крикет
Может сделать с девой!
– «Nam pizdets» и «Deneg net»! —
Воет Королева.
Мы дождались наконец
Золотого Века.
– «Deneg net» и Im pizdets»
Голос Человека!

Наш Ла Манш!

Няш-Мяш!

Ла

Манш!

Бей

В пах!

Дай

Транш!

Параш

Нет!

Данс!

Он

Наш

Ла

Манш!

Настоящий художник

Надувные Фокановы куклы
Взволновали,, меня:
Железы, лобки, вальки и букли,
Ну и в общем – прочая х... ня!
В детстве я постиг, когда в постельке гукал —
Надо ближе быть к земле, к сохе,
Ну а всех Фокановских, ..., кукол
Расстрелять из нового MG!

Как устроен мир

ОказалосЬ – мирЬ устроенЬ.
Но не такЬ, как мыслил воинЬ,
А какЬ выдумалЬ торгашЬ...
Да и тодт... давно... не нашЬ!

Самый Клёвый Человек

О... в на нашей тризне,
Стал я просто имярек.
И приснился мне в отчизне
Самый клёвый человек.
Вы его везде найдёте
В Магадане, на Дону
Он летал на самолёте,
Погружался в глубину.
Ездил на автомобиле,
Бил киями по шарам,
Плавал во море на киле,
Лазил в горы по горам.
Разрулил вокруг все беды
Разгонял от солнца хрень
Он дарил велосипеды
Ходокам из деревень.
Мы его любили очень,
Неподвластно как уму.
Наши подвиги и дрочи
Посвящали лишь ему.
Иль его отправим с баню
Наряду с его ворьём
Иль нас скрутят в рог бараний
Не мытьём, как катаньём.
О... в на нашей тризне,
Стал я просто имярек.
И приснился мне в отчизне
Самый клёвый человек.

Троя

Ах, бедный Йорик! Помнишь, как с зарею
Меня кидал ты, когда мы в наперстки
С тобой играли, а порой в пристенок?

– Ни в коем случае, а в каком ли бы ни,
Но я о том, о том, о том, в чем сущность
Подслушанной за домино трепни!
Я сам в сад философский, словно в куши,
Вхожу и говорю себе: «Верни!»
– Вернуть? Да никогда!
– Дурак!
– Ну, ни во веки!
– Меня ты рассмешил!
– Мне не до шуток!
– Что свойственно, о боже правый, миму?
– Идем в бардак, где можно скинуть схиму
Перед очами Марфы и Ревекки!

* * *

В часу втором я третий позвонок
Четвертой власти гладил пятернею,
А стал шестеркой, когда в день седьмой
В восьмерку превратилась ось телеги,
И годы полетели – девять, десять,
Одиннадцать, эти их всех, но тут
Двенадцать рыл апостолов явились
И все на одного, да, все на одного
Двенадцать месяцев, двенадцать иностранцев,
Счастливый рой, я был так возбужден,
Что не заметил следующих чисел,
А надо бы, но умоисступленья
Заворожило черного дрозда.
Да надо бы, бы надо, бы, бы надо,
Когда б не тот ли, кто там же еще?
Никто нигде никак не засветился,
Я потерял дорогу, красоту,
Земную жизнь прошел до половины
И в предпоследней трети опочил,
Чтоб силу инкарнации изведать,
И вот проснулся скунсом в колесе
С своею миской, ложкой и струею.
Ко мне порой приходят пионеры,
Шахтеры, проститутки, даже бомжи,
Доцент, два кандидата, академик,
Русалка, извлеченная из тины,

Кибальчиши, Плохиш, два Буратино...
Приходят зайцы с длинными ушами,
Слоны и рыси, я на них смотрю
Раскосыми и жадными очами,
Как гордый Буревестник или змей,
Потоками Иордана омытый,
Вблизи Крестителя с его желанной шайкой,
Да, медным тазом, койй угодил
На голову Отчизны величавой
И с ног свалил свирепого колосса,
Что назван был Империею Зла,
Иль просто импиреей, в час досуга
Меня ты, няня, от беды спасла
Попавшего между враждебных рас
И в Болдино, старушка, проводила,
И там я на закорках написал
Все лучшее, что мыслимо в природе.
Здесь я бродил по хвое, мху, по водам,
Как по суху, хотя был мокр от страха,
За судьбы Родины, меня здесь пристрелили
Сарданапал-злодей, о той дуэли
Я в небе вспоминаю... Нет, Ильич,
Не зря мы шли извиистой дорогой
И все мы не умрем, и гордый дух
Заводчика Морозова и Павла
Все ж в нас живет, как бrenная свеча
В руке у обезьяны павиана.
Ужо тебе! Ужо тебе! Далила!
Вблизи Кремля московскими ночами
Я часто проходил, терзая ноги
О Мавзолей, где Штирлиц величаво
Годами охранял от мух святыню
И духов отгонял своею тростью,
О злачные притоны, о бараки,
Черемушки, омовцев, солдатов,
О Керасиров, вылезших некстати
Из-под земли Вальпургиевой ночью
И о тебя Нерон Цезарионыч,
Источник столь свирепого пожара,
Что мне не по себе, скажу по чести.
И там, вдали от Новгородской Сечи,
Цепляя фалды Грозного царя,
Копеечку просил на пропитанье
И получил по жопе сапогом.
Да, было все, да было все, да, было,
И есть что вспоминать: о комсомоле,
Репейном морсе, сталинских ударах,
Брижжит Бардо, Кибелле многогрудой,
О поездах, грохочущих в пустыне

Своими буферами золотыми,
Стене Китайской, коей я дарил
Любимые напевы Шаалиня,
Ядра Кунфу, Конфуция, от племса
Ядреной отделенного стеной.
Я не забыл, забыл ли я, я помню
Издательство, где я сточил всю жопу
Об эти стулья, гвозди и столы
Труды великих гадов и мерзавцев
По чести превзошедших Герострата
В своем маразме чистом и святом.
Я испытал, мне ли мечтать о лучшем?
Не мне, не вам, придут другие люди
И в ясности товарища узрят,
Который композитором от бога
Рожден в деревне Синей Ляпеги
Взрос как крапива, в город занесен
Монгольской Ордою Чингиз Хана,
Чтоб, как Рязань, нас всех испепелить
Назло туземцам добрым из Борнео,
Мадагаскара, Чада и Шри Ланки
Я проклиная напрочь эти бусы
Да Гаму и Колумба и Авось,
Который надругался над Юноной
И пысал супер-мощною струей.
Здесь обмелел мой разум и рассудок
Сгустился над землей, здесь я сточил,
Я говорил о том, две ягодицы,
И волчьей ягодой накормлен был сполна,
До основанья. Пиррову победу
Я одержал носком от сапога,
И Крошка Цахес был тому свидетель.
О нем я помню. Сплав благих народов,
Честнейший смертный, хулиган и вор,
Чья мудрость превзошла диван Гафиза,
Изгнанник, Дантовед и демагог.
Во дни сомнений тяжких и раздумий
Я б вырвал, если б мог, его язык
И сжег в костре далекой Саламанки.
Его друган – завзятый Вороненок,
Нахохлившись сидел на облучке
И карканьем тревожил птицу-тройку,
Изобретенье русского царя
Где три богатыря на Черномора
Идут веленьем русского народа
И пестуют Антихриста гузном.
Чекиста три: два добрых и немой
Встают пред оком ласковым Перуна,
Готовые на подвиг и на смерть.

И Крошка Цахес, уцелев случайно
В горниле испытаний и побед,
На отдых вызывает Вороненка,
И вдохновенно чадо двух народов,
Честнейший смертный, смотрит в небеса.
От Кнессета судьбою отделенный
Он здесь осел, и тихо угнездившись,
Пустив коренья в Северной Пальмире,
Он был одним из тех, кого люблю.
Он сеял только доброе, но втуне
Пошли его деянья всеблагие,
И проповедь похерена была
Все семьи одинаково счастливы,
Ну а в несчастье разница, ничтяк.
Так он бряцал пред нами фонарями
Вокруг двух глаз, их не могло быть больше.
Природа нас такими сотворила —
Уродами без страха и упрека,
Лишив навек достоинства и чести,
Но напоив божественной струей.
Да, он бряцал пред нами фонарями,
Бряцал и бряцал, бряцал и бряцал,
Пока ума бедняга не лишился,
Даря супруге толоконный лоб
С индийской мушкой посреди пустыни
Сократовского лбищи или лба.
За блуд с позором выгнанный пинками,
Он моросил слезами по притонам,
И дочерей свирепых проклинал,
И сыпал пепел на башку седую,
Где муторно торчали три сосны.
Он напоил послушливые стрелы
Нетрезвых шуток ядом самомненья
И проклинал Гоморру и Содом.
Все языки смешал он в Лукоморье,
Но башня не поднялась у него,
Поскольку среди зеркал одни Горгоны,
И кротостью не славятся они.
Как блудный сын бродил он по вселенной
И призывал на головы мерзавцев
Все беды, бури, стрелы и мечи,
Пока не обносившись, с голой жопой,
Он не осел в конторе на шесток.
Мир горний пробуждался по утрам
Своим Кукареку. Здесь я кончаю
Историю Ромео и Джульетты
Которые любили так друг друга
Что отошли в один и тот же день
Так пусть же, пусть же, пусть же Конь Троянский

Струю испустит над челом скитальца,
Сколь многоумным, столь и всеблагим.
Кончаю я пред Господом и вижу:
Гонимые сверкающей звездой,
Волхвы уже несут свои дары —
Бочонок рома, ладана и смирны
И десять пар колготок «Филодору».
Нет виноватых! и слеза страдальца
Струится меж персей у Андромахи...
Я не могу! Прости, Кизил Троянский
И прочие бабцы, я ухожу
Под грозами и бедами Вселенной!

* * *

Когда бы лень меня не увлекала
В свои чертоги, шхеры и палаты,
Я был бы членом мощного Рот-Фронта
И делал на досуге шоколадки,
Купался б в молоке, сусле и пиве,
И был бы сыром на вершине голой
Вдали Сизифа злого с кирпичами.
Я бы воздал величию бесштаных
Борцов за правду, мытаря Матфея
Я б переплюнул на олимпиаде
В амфитеатре спаленной Помпеи,
Везувий многоротый проклиная.
Я б дал оценку всякой божьей страсти
И взвесил на весах дела людские.
Я был бы там, где жгли Джордано Бруно,
И мог быть птицей Феникс, коей Фридрих,
Великий сын немецкого народа
В свирепой битве обломал рога.
Иль вру, иль вру, иль вру —
Франциск Асизский
Нашептывал стихи Шехерезады,
Взопрев от многословья. Я б не был,
Кем быть хотел, и быть бы мог, кем не был!
Гетерою без страха и упрека,
Аспазией в разборках меж спартанцев
И бешеным Атиллою с головою
Размером с чан пивной, но Медный Всадник
Мне пересек абсциссу, ординату
И голову в Борнео потерял.
Он бродит по лесным холмам Кинтайра
Как Пол Маккартни, Леннона ища.
Я остаюсь собой, междуособье
Меж пчелами благими проклиная
И пью на брудершафт змеиный мед.
Я удаляюсь. Множась, словно слухи,

Мои раздумья погребли мой разум
Под пеплом Антарктиды, и пингины
Благословенья просят у меня.

* * *

Быть пидором без страха и упрека
Не мой удел. Стремлюсь я в раже бранном
Под грозные твои, о Троя, стены,
Под этот ров и Дантовы спирали,
Где я надеюсь сотворить подкоп.
И мужеством свергая неприступность
Стать твердой лапой у Пяти Углов.
Уже вдали созвездья Андромеды
И Сириус и Солнце, все планеты,
Плывущие в бескрайний океан,
Заложник штиля, мрака, Кровью Марса
Я напоен. Все ближе, ближе, ближе
Твои бока нелепые, Земля.
Бильярдный шар, попавший в эту лузу
В потоке света я эфир взрезаю
Сплотившийся вокруг крупповским железом
И вот уж над похищенной Европой
Склонить крыла. Включаю тормоз, чтобы
Смочь разыскать в провинции Востока
То место, из-за коего сыр-бор,
Тот город, вокруг которого вся драка
Кипит как суп с костями агнеца.
Уже блестит надменный щит Гектора
Я отражаюсь в нем небритой рожей,
Желая поучаствовать в разделе
Чужих домов и прочего добра.
Войска истомлены отнюдь не блудом,
С цветами Рипербана, Монпарнаса
И чайной церемонией. Отнюдь!
Пустой желудок вкупе с вождельем
Всетщетно грызает эти стены,
Не в силах подступиться. Льется дождь
Последних стрел и масло из лампы
Поместной Ярославны, смоль и ядра
Уже текут на голову мою.
Струятся вниз. Над силой тяготенья
Смеется тот, чьи бранные мгновенья
За пять минут вселенной сочтены.
Но замысел, созрев плодами ада
Из-под земли сегодня вырастает.
Войска уходят, оставляя хлам,
Костры и пики, но блестит победно
Схороненный в кустах Троянский конь
На тонких ножках лживое созданье,

Подарок черта глупости чужой
И никого. Из крепости высокой
Вылазит первым пьяный Чиполлино,
Поддерживая юных герцогинь.
Спартак выходит с детскою трещоткой,
Сицилии дитя, он так любим
Арийским плебсом, жадным до наживы,
И деревянный конь уже скрипит
Суставами, колеса напрягая,
Чтоб влезть в ворота, где его уж ждет
Омытая кухарками пивная.
Внутри коня порядок и покой
Все затаились, червяки в навозе
И ждут сигнала, закурить нельзя,
Не выдав хитрый план, над коим бились
Монтень и Маркс, Шилькгрубер и Эйнштейн.
Глаза слезятся камедью и медом.
Завернутые в старые трусы,
Мечи не брякнут о базальт обшивки,
Но Шатл взлетел. Ату его, ату!

Густее всех чернил, ночная мгла
Вокруг клубясь и пенясь, окрылила
Тугую дверь и скрипнула она.
Война, война, война, война, война!
Пусть глупый сон узнает силу фальши!
Пузатой Гаргамелле в тесном стойле
Покажет силу праздного ума!
Среди резни, костров, огня и взвизгов,
Солдат, средь лестниц, не найдется места
Где бы гнездо свилось для тишины.

Так гордые ахейцы победили!
Так хитрость, мудрость наглая и злая
Разделала безумцев под орех!
Так был затоплен древний Геркуланум
Святой водицей Марсовой клоаки,
Так шум времен повертывая вспять,
Бог Марса показал себя опять!

* * *

О бедный Йорик! Череп из бумаги
Я так любил вращать, предполагая
Как все могло бы быть, как все стряслось,
Все изошло и все накрылось крышкой,
Как вышло все из Гоголевской длани
Из плащаницы, на которой Бог
Свой облик отпечатал и отлил.
Когда приходит черная суббота,

Двенадцати святошам вопреки,
В одиннадцать часов нисходит кто-то
По десяти ступеням у реки.
Обременен девятым легионом
Цезарион восьмой бросает в бой
И семеро следят над ним со стоном
Свечение планеты голубой
Пред ликом опрокинутой девятки
Оставшиеся пятеро бредут
И с собственной судьбой играют в прятки
У них в запасе несколько минут.

И троица над Тройственным союзом
Смеется двойне нерожденных льдин,
Но верен дому и вселенским узам
Корабль, что держит путь во мгле.
Один.

Рим

...Перевалив хребты, я зрел отвалы,
Какими ограничивался дух
И самый смысл державы величавой
Когда-то мощной, чей огонь потух
Чья гордость величавая была
Защищена размахом крыл Орла.
От Инда до Египетских пустынь,
От скифских копей до пролива бриттов
Попробуй, варвар, подержить, низринь,
В Капуе утверди свое копыто!
О гаваней паук! Бросая сеть
К дакийским долам, к докам Альбиона
Ты иссушил и обескровил лоно
Родных полей. Кто хочет все иметь
И пользоваться всем, тот должен знать,
Как, обокрав весь мир, не потерять.
Солдаты Рима! Ваш давнишний враг
Склонён перед пронзающей орлиной
Клювотворящей и сочащей миной,
Пред зевами сакральными собак...

Здесь было запустенье. Грозный смерч,
Какому трудно подыскать название
Рассек богатство, обескровил речь,
Изгнал народы и обрушил зданья.
Колосса злого, что еще вчера
Стоял над миром грозно, как гора.

Кровавыми грядками нес восток
Пружины горя, бедствия причины:
Там дикари Атиллы, как поток
Ворвались в беззащитные долины
Как горная лавина, вал и вот
Все закрутил времен водоворот.

Орлиный глаз мог различить едва ли
В обломках колесниц бывшие оси
В огромных нишах, где ковали сталь
И где цвели плоды и смысл ремесел
Лишь проносились тени тех, чья стать
Сильнее слов могла о всем сказать.

О Призрак Величавый! Терн густой
Овил твой остов неживой и мрачный
Еще вчера живой, покойник фрачный,

Напичканный бальзамом и смолой
Еще хранил бывшее очертанье
И уши воздымал, как ротозей
Изгрызенный мышами Колизей.
Минуя вид, похожий на рыданье
И обращаясь к тверди голубой,
Мы здесь начнем свое повествованье —
Рассказ печальный о душе живой.

Как бледен космос пред твоим ярмом,
Твоими кандалами и бетоном,
Горячим спором и полдненным звоном,
Перед владыкой, низводящим гром.
К бряцанию полному охраны
И призрачны ночные великаны
Хранимые безжалостным орлом.

Здесь зодчий был. Труды Аполлодора
Дерзавьями природу превзошли
Унылые рабы ночами жгли
Костры среди рытвин, мрамора и сора,
Здесь раздувал неколебимый стан
Нерона ослепленный истукан.

Уж ставни отпирал меняльщик-скряга,
В лавчонку отправляясь за вином,
Невыспавшийся в инсуле бродяга,
Вливаясь на заре в дорожный гром
Заря уже осваивала небо
И на Востоке желтый круг вскипал
Раздатчики считали меры хлеба,
И ставни открывались у менял.
В подслушиванье вкладывая силы
Доноса вдохновенные сыны —
Одетые цивильные вигилы,
О их очам доступны даже сны!
Жонглируя железными шарами
Заезжий клоун в шапке голубой
Вздымал кадык. Толпился люд во храме
И киник был, как пес сторожевой.

По городу вышагивали алы,
Чеканя шаг сапожный, и в бреду
Испуганно текли провинциалы,
Запахивая тоги на ходу.
И, твякая, взирали на столпы
Бродячие собаки и послы.

Под портиком уже сидели дивы,

Взывая к клиентуре, но она
Разборчива, брезглива, прихотлива,
Была пресыщена и несколько жадна
Философы кому давали клички
Мальчишки, лобызатели харит,
Сбирались, отложив свои таблички...
О боги Пантеона! Что за вид!

Под римским гримом греет струпя
Жмыха и сора полный хлев
Горнило замыслов преступных
Кузница легкомыслых дев.

Вотема маленького скерцо
В репертуаре чудака —
Как совместить влеченья сердца
С поползновеньем кошелька.
Агрилий! Смуглый гном – галчонок,
Чей клюв кривой к губе прирос,
Дешевизна твоих девчонок
Меня наводит на вопрос.
Диалектическая сводня!
Я должен наперёд узнать,
Быть благодарным мне сегодня
Иль завтра громко проклинать?
Ты либо гений альтруизма,
В алтарь влачащий чистый дар,
Или изменник, чья харизма —
Всучить шуту гнилой товар.

Чужая жизнь – предмет для осмысленья.
Через века какой-нибудь схоласт
Приводит к знаменателю знаменья
И, глядь, рецепт почившему подаст:
Здесь – хорошо, здесь – сносно, здесь – не так,
А здесь кипел в дерзаниях дурак.
На рыбном рынке так же, как всегда
Старух скопленье, гомон, визг и драки,
И чешуя мерцает, как слюда,
И от стыда в чанах краснеют раки
В цистерне рачий шествует поток,
Пока его не просят в кипяток.

«Учитывая наше положенье,
Мое письмо, быть может, не дойдет,
Но добрый Зевс, рассчитывая ход
Дарует нам другое обретенье,
Потери компенсируя. Таков
Закон природы и удел веков.

Прости мне философские пассажи,
Ведь близость смерти пробуждает вкус
К вещам, какие не сыскать в продаже...
Коль рядом смерть, то слаще голос муз.

Что нового? Надежда так слаба
В груди приговоренного раба.
На мне лежит печать тяжелым грузом,
Она утяжеляет душу мне
Мне было легче в поле, на войне,
Чем в этой гнойной яме, верной музам
Здесь в Риме, среди белых тог,
Среди людей я очень одинок.
По праву первородства нам даны
К родным холмам и далям отчим тяга —
Все то, чего лишен бродяга,
Все то, чему мы так верны.
Здесь на закланье бросила судьба
Меня зверью, увы, как каплуна.
Смотри – в саду ребята, голоса
Рвут яблоки для бедного гуся.
Мне говорили – спасся Тревильон
Не знаешь, Кассий, где укрылся он?»

Когда нечеловеческий поток
Нас вовлекает в сферу истребления,
Прошедшей жизни подводя итог.
Как собирать плачевные камни?
Отчизны уходящей из-под ног.
Последние свирепые бои
Мои друзья вели на голых скалах
Все отраженное во мне, в глазищах впалых
Я занесу в мемории мои.

Сражаться в окруженьи, полагать
Незыблемую смерть уже решенной
В стране отцов, над колыбельной Роной
И плен познав, Валгаллу призывать.
Умели мы, пока был смысл, упорно
Идти вперед, в долинах ткали мы
Широкие кровавые полотна,
Реченьями вождя напоены.
Мы звали духов предков на подмогу,
В краю долин, среди безлюдных скал,
Но вдруг легионер приставил ногу
И показал ужасный свой оскал.
Отчаянье мы нежили в кармане,
Разящим стрелам открывая грудь
Передо мной мальчишка-латинянин

Упал на камни, преграждая путь.

Нас увлекала воля латинян
Все выше, до конца, пока спиною
Мы не уткнулись в каменный карман
Здесь был предел порядку, силе, строю.
Теряя все средь бешеной резни...
Мне прорубили кисть, от дикой боли
Я закричал пленившему: «Казни!
Смерть – это приз пред обликом неволи.

Нас резали как блеклый скот, рядами,
Вокруг, внизу, над нами и во мне
Орлы темнели. Искры над древками
Горели в наливающейся мгле.
Оставшихся погнали вниз с горы
Легионеры свежего призыва
И ветераны, ухмыляясь криво
Бросали хворост в жаркие костры.
Военный лекарь норовил поспеть
К кричавшей боли и несли в палатки
Всех тех, кому загадывала смерть
Дурацкие Эдиповы загадки.
Наутро вереницей мы брели
В молчании и тлене, над странною
Любви и детства, медленно текли
Болезненные тучи чередую

«...Но главное, чтоб мысль была легка
И в ясности ее зерно всходило
Осмысленною зеленью ростка,
В чьем сердце солнце пробуждает силы.
Я начинаю медленно стареть,
Печаль – тому свидетельство, однако,
Кто норовит взглянуть в глазницы мрака,
Тому еще сложнее уцелеть».

Душа моя летит от тесноты
Сырых каморок, веру устремляя
К вратам небесным,
К злачным долам рая,
Где чаянье с отчаяньем слиты.
Скрепляя берега, поют мосты
Свои хребты над гладью напрягая.

О Кассий! Я не сплю от мерзких крыс
Они мешают сну и тренировкам
Невыспавшись, смотрю все время вниз
И меч мой выпадает вниз неловко

Как глыбы Альп, в руке все тяжелее
Стремится в землю и немеет шея
И затекает и болит рука
Наверно я старею. Голова
Полна каким-то бредом, звоном, вздором,
Обрывки детства узнаю в котором
Надежда теплится, пока еще жива.
О бедный мальчик! Бедная держава!
Легко сказать, живя у мертвых вод
Как херится естественное право
И правит сволочь, зажигая сброд.
Ты знаешь, приближая страшный день,
Бог времени шагреневую кожу,
Сжимающуюся – подносит к ложу,
Коптит фитиль, отбрасывая тень.
Мне было б интересно проследить
Какою траекторией попали
Такие же, как я сюда из дали,
Решившие в застенки угодить
Я рад, что ты здоров и острый плуг
Охотно бороздит благое поле
И главное, мой друг, что ты на воле
И песнь твоя свободна, лучший друг.

Все ближе Смерть. Сегодня от дровка
Ребятчье пришли мы к настоящим
Заточенным, кромсающим и вящим
Орудиям, легка моя рука,
Натруженная палкою тяжелой
О женщины, запахиваясь столой,
Вы знаете, кто лучший Ваш слуга.
Все эти перемены – тяжкий крест
Я знаю, что убить себя позволю,
Мне даже смерть навек подарит волю
Мой нос скорбит – о запах отчих мест!
Последнее письмо. Здесь на чужбине
Я понял, Кассий, что я был дурак.
Тебя я обнимаю и отныне
Забудь меня.
Твой брат. Твой бедный Франк.

Я написал. Последнее перо
Последней мысли вздох – твоя табличка
Надсмотрщик Крысолов – вот это кличка
Тебе бы христианское миро
Пролилось на башмак. Вот время боя
И ты б споткнулся, как неловкий хряк
И был бы срублен лезвием как злак.
Ты б покрутился на арене воя

Ты смотришь, чтобы я не убежал
И не унес пудов живого мяса,
Втыкаясь в нас булавками приказа.
Концы плетей – острей пчелиных жал.
Мой мозг распух, не может здравый ум
Движенье к смерти равнодушно числить
Побег свершить – не то, что смерть измыслить,
Как спятив, это сделал старый Юм.
Он был веселый парень, поначалу
Он нас бодрил иронией своей
Бежал, был пойман, увезен к причалу
И кончил жизнь на бруссе, ротозей.

«Ты должен знать, что завтра страшный пир
Предвестник смерти в дикой лотерее
И я зову последний миг. Скорее
Мне надоел такой жестокий мир.

В пустых мозгах распущенного Рима
Рожден, пятная истину саму
Невыносимый безусловный стимул,
Других прирезав, выжить самому.
К кому здесь обратиться за советом
Сосед мой – каучуковый эфеб
Уж лижет с всевозможным пиететом
Свой новый, черствый и кровавый хлеб,
До вечера насилюя снаряды
И прыгая в просветах колеса...
Он, кажется, обрел свою отраду
И целый день мозолит мне глаза.
Когда бы смерч сенатора занес
Сюда и облачил в мои одежды,
Я б посмотрел тогда в глаза невежды,
Где безответно затенен вопрос.
За ослушанье здесь сажают нас
В бетонный карцер, где царит болото
И стаи крыс, чья брэнная работа
Косить на пришлеца звериный глаз.
Ты видишь, как сакральная свинья
Повержена копьем, влачит утробу
Под крики тех, чья неизменна злоба.
В простых понятиях здесь сгниваю я.
Поставить памятник со шлемом на лице
И инвентарным номером, а кличку
Они имеют скверную привычку
Латинским шрифтом утвердить в конце.

В конце концов не все ли нам равно
Где нас встречает воля? Если с нею

Я собственной судьбой не овладею
Несчастен тот, кому не суждено...

Врачи. Массаж. Железный блеск зеркал.
Мою башку пустую полнят знанья.
Теленка, чтобы он вкуснее стал
Отпаивают пивом пред закланьем.
До нас двух христианок рвал медведь
В награду за зловредную строптивость.
А я с мечом, и смерть – моя учтивость
Для тех, кто любит сверху лицезреть.

«Сплоти все силы и сомкни уста
Как весело пред сетью и трезубцем
Быть под защитой верного щита.
Все абиссинцы в диком гневе яры
Я – под защитой радости благой
Я весело отвечу на удары
Судьбы надменной. Что мне выпад твой!»

«Не спрашивать свой мозг! Не обращать
Зазубрины вниманья на такое
Что может волю тягостью поднять
Сомнение – балласт в жестоком бое.

– Здорово, Член! В надежде соискать
Нить гибели моей, ты так поспешен
Что я не знаю, что тебе сказать
Держись, бедняга, инструмент мой грешен.
На, бедный дохлик! Избавляю. Кровь
Из этих мышц и жил уже готова
В песок уйти. Готов? В ответ ни слова
И только всхлип, к виску стремящий бровь.

Ах, боже правый! Как они визжат
Я краем глаза вижу на галерке
Румяных самок, что стремят опорки
И ляжки в небо. Гаже не сыскать!»

Он остутился. Остановим речь
Скажи ему: Привет, мой тяжкий меч.
О боги! Боги! Боги! Бог с тобою
Я приобрел уверенность в размахе
О боги! Боги! От такого воя
В Сахаре дохнут львы в смертельном страхе.

«Еще один. Прощай же, невезун
Мы встретимся в аду чрез четверть часа
Нас ангелы погонят в горло лаза

За мной, слепыш, любимец солнц и лун!
Мне было б интересно проследить
Какою траекторией попали
Такие же, как я сюда из дали
Решившие в застенки угодить.
Страшнее пота нет. Он ест глаза
И слезы вымогает у бедняги
Кровавых слез уже пролиты фляги,
Что стоит моя тихая слеза?
Ах зеркало, в том нет твоей вины,
Что вижу я себя со стороны».

Рублюсь, как никогда. Знай, Ганнимед
Всегда меня додавливавший зверем
Мы пишем начисто, давай сейчас проверим,
Чем начиняет небо наш хребет.

Я ранен в руку. Не благодарю
За лекцию кровавого ланцета.
Ты бился честно. Я тебя люблю
И твой живот пропоротый – за это.
Короткий меч за длинные мозги
Не даст и искры, высеченной праздно
Лежать в крови, икая безобразно
И созерцать кровавые куски
Не для меня...

Хрипящий друг, ты тоже близок к Раю!
Дерьмо с косой, ты здесь стоишь, сама
Надменный победитель, истекаю.
Круги в глазах! Слепящий холод! Тьма!

Его тащили за ноги до люка,
Зиявшего слепящей темнотой
И два раба, помедлив от испуга
Столкнули камень, смертью налитом.
Смеркался день. Вставала камарилья
С дубовых кресел. Золотом храним
Орлиные распластывая перья
Кроваво улыбался вечный Рим

Хорь и Калиныч

Ты помнишь милые забавы?..

Есть в нашем крае деревня,
Не помню названия всё ж,
Раньше большие кочевья
Здесь вынимали нож.
Реки, леса и хаты, —
Вот наш обычный ландшафт!
Жили здесь чаще солдаты,
Списанные на брудершафт.

Ссылные в ветхой станице
Всё то стругали пень,
Как мне хотелось влиться
В тихую жизнь деревень!
В маленькой нашей станице
Изоб, пожалуй, под сто,
Любит здесь люд веселиться,
На дрын повесив пальто,
Любят бодаться колами,
Матерный любят частуш,
Любят дремать под стволами
Старых, корявых груш.
Бабы у нас красивы,
Не вавилонский сброд,
А парни все как гориллы,
Добрые наперечёт.
В этой деревне с обеда,
Деля и стол и кровать,
Жили два добрых соседа
Хорь и Калиныч их звать.
Хорь и Калиныч с испуга,
Иль без причины, кто б знал,
Любили жестоко друг друга,
Надев эполеты на бал.
Вместе они в мировую
Шли на германский редут
Мстить за отчизну святую,
Там, где лишь ляхи живут!
Солнцем овитые нивы!
Дон в угасании зорь!
Хорь отродясь белогривый,
Ну а Калиныч – как смоль.
Часто упившись в ср. ку,
Наш неземной кагал

Весело шёл в атаку,
А впереди – генерал.
В Февральскую, когда адом
Наполнился сельский дом,
Грабили царские склады,
Полные вражьем вином.
Быстро и точно стреляли,
Бегали, как братва,

Песню потом запевали
Стройные голоса два.
Песня у них величаво
Часто будила Фому —
Всё о Фабричной заставе,
Там, где закаты в дыму!
Которому Мать не успела
Даже уж слова сказать,
Когда за рабочее дело
Он заспешил умирать!

Есть в нашей родине слава!
В белых чулках, на коне,
Держа под мышкой бухало,
Скажет комбат, как бывало:
– Солдат Комсомольцев!
Ко мне!
Ко мне! Мы не пыль при дороге!
И не звериный сброд!
Знают на небе боги,
Кто здесь веками живёт!
И сразу из далей и высей,
Из сопок и дальних болот
В ответ донесётся: «Возвысим
«ОССОВИАХИМ» и Флот!»
Годами в военном горниле,
Под вспышками звёздных зорь
Честно отчизне служили
Верный Калиныч и Хорь.

В платье из кошенили
В чёрных чулках на меху
Вместе они кружили
В кавалерийском полку.
Вместе рубали белых,
Когда им привелось
Вдвоём проявляли смелость,
А не позорный авось!
Библия – лучшая книжка,
А не ...ня-заморочь!

Сын был у Хоря – мальчишка,
А у Калиныча – дочь.
Так бы их сердце и билось,
Дней уходила чреда,
Когда б той порой не случилась
В деревне большая беда.
С этой тревожной эпохой
Словно сроднился поэт,
Должно быть ещё с Еноха
Не было таких бед!
Дорогой от барского сада,
На хутор Колючий Пырей
Ехала с песней бригада
Вдоль колосистых полей,
«Хлеба стране!
Да скорей!»
Казалось чего ещё надо?
В мире большая страна!
Мы замочили гада —
Гада меньшевика!
Мы замочили кадета!
Тут им не Альбукир!
Кто нам спасибо за это
Скажет на весь мир?
Больше белый не будет
Гадить с попом заодно,
Больше кулак не прокутит
Всё трудовое зерно!

В это же время за морем,
В тихой святой стороне
Стройный Калиныч за Хорем
Тихо трусил на осле.
Ах, золотистые дали,
Солнечный склон на горе!
Часто на фронте мечтали
Люди о новой поре!
Везли они в город на рынок
Снизку сушёных рыб,
Пару германских пластинок
И найденный в поле гриб.
Вместе они увидали
Пыльный отряд ездоков,
Вместе они поскакали
Встретить троих седоков,
Спросить их: «Питья не надо!
Может, ещё чего?»
А тут из Колхозного сада
Солнце уже ушло.

Хмурились донские дали,
Громко кричали враны —
А комсомольцы искали
Спрятанный хлеб страны!
Обшарили всю округу,
Тыкали штыком в копну,
И говорили друг другу:
«Хлеб спасёт нашу страну!»
Было его немало,
И обнаживши сталь,
Партия их послала
С заводов и фабрик вдаль!
Двое – малые ребята,
Третий – тёртый калач,
Всем – ничего не свято,
Плачь ты хоть тут, иль не плачь!
Долго не стал собираться
Солдат Комсомольцев вдаль:
– Мы – коммунисты ведь, братцы,
А не какая-то шваль!
Жизнь – не простая штука!
В ней победит не любой!
Был командир у них – сука,
Настоящий Плейбой!
Калиныч неловко спешился,
С мыслями: «Ай-яй-яй!»
Он в этот год отличился —
Снял неплохой урожай.
И Хорь не обижен в пьянке,
Значит расклад таков:
Снял он с хорошей делянки
Семьдесят семь мешков!
Десять мешков толокнянки,
Динадцать – мака стебли,
Сою он спрятал в портянки,
И двести мешков конопли.
«Вокруг нас ленивые морды,
Бия баклуши живут!»
В нём закипала гордость
За свой, за крестьянский труд!
Марья была довольна:
«Купим платок и шаль!
К Троице треугольный
Добавим летучий фонарь!
И заживём, как Саша...
Мельник! Ты помнишь его?..
Дом его – полная чаша!
В доме навалом всего!
Расчёска – о ней в гордыне,

Мечтал хитропопый Арон,
«Библия» в ледерине
И голубой патефон!
Теперь душевная рана!
Перевернулось всё вмиг!
Наполеоновским планам
Путиловец сделал кирдык!
А комсомольцы галдели:
«Это понятно ежу!
Вы, товарищ Петелин,
Не правы, я вам скажу!
Всякий в пустыне скиталец!
Вот, что я вижу, старик:
В рот им засунь только палец-
Руку отхватят вмиг!
У каждого хата с краю,
А хлеба навалом средь дыр!
Я этот народец знаю!
Всё закопали в сортир!»
Вы говорите, не надо
Вечером драть дышло,
Мол, из колхозного сада
Солнце уже ушло!
Умеет дать подзатыльник
Мелкопоместный барон!
Есть у него и будильник,
И городской патефон!»
Кто его знает, как встретят
Нас хуторяне под ночь,
Не каждый второй из них бредит
Нам с продрозвёрсткой помочь!
Придётся метелить их горько,
Приказ командарма таков!

Хорь и Калиныч тихонько
Глянули из кустков.
Переглянулись неловко,
Руку подали вслед —
Коль уж идёт перековка,
То верных рецептов нет!
Прокравшись по кошенили
В революционном брэду,
Путиловцев всех замочили
В тихом колхозном саду.
Всех аккуратно разули,
Ни слова не выдав из уст,
И на могиле воткнули
Пышный смородинный куст.
Долго кукушка рыдала,

И каждый думал: «По мне!»
Долго заря полыхала
В невыносимом огне.
Жнец уберёт, что посеет,
Всё справедливо в миру!
Куст каждый год пламенеет
В августе на юру!

Есть в нашем крае деревня,
С названием Богудож.
Раньше большие кочевья
Здесь вынимали нож.
Вспомнилось старая рана
Рыжий комбат на коне,
И голосок из тумана:
«Солдат Комсомольцев!
Ко мне!»
Зимою по горло валило.
Снежное море в свету.
Я, вспомнил, когда это было, —
В тридцать первом году!
Вспомнилась дева – отрада,
Пыльное овин и село,
И как из колхозного сада
Солнце за гору ушло...

Старые стихотворения

Ласточка

На поезде быстром отправься скорей,
Оставь в одиночестве дом.
Пусть чистая ласточка южных морей
Тебя осеняет крылом!
О северном парне лишь ветер свистит,
Да ива пускает слезу.
Пусть крона платана тебе шелестит
О том, что не произнесу.
Будь умной и ловкой, как можешь одна
И лучшие сны береги,
И если не я, то морская волна
Крепкой коснётся ноги.
От северных вьюг убегая скорей,
Оставь в одиночестве дом.
Пусть юная ласточка тёплых морей
Тебя осеняет крылом.

Виргинский лес

Когда вдали остались наши братья
И горный склон, точимый темнотой,
Нам распахнул холодные объятия
Виргинский лес, огромный и пустой.
В бездонном одиночестве под деревом,
В недобрый час попробуй разберись,
Что скрыто за ритмическим напевом
Мачт, здоровым смыслом устремлённых ввысь.
Минов провалы, топи и коренья
Низины той, я ясно ощутил
То смутное, неясное томленье,
Что ясной мысли прибавляет сил.
Как червячок, нацеленный к обеду
Сидящего в берлоге барсука,
Учитель мой сейчас спешил по следу
Идущего вперёд ученика.
Я глаз вручил мельканиям и дырам,
Мне в форме веток чудился намёк
На паука, чья сеть царит над миром
И бранных жизнью умаляет срок.
Он лил слова, я знал, что эта страстность —
Ответ на страх, страх божеский, но я,
Я краем сердца чувствовал опасность
В отсутствии животных и жилья...
Когда вдали остались наши братья
И горный склон, точимый темнотой,
Нам распахнул холодные объятия
Виргинский лес, огромный и пустой.

Jack Steal Hut

This is the hut that Jack steal.

This is the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the crazy fat Cat,
That killed the mad Rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the Countess dissolute,
That milked the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the Miser Boss all insolent and predatory,
That kissed the Countess dissolute,
That milked the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the False Priest all shaven and shorn,

That married the Miser Boss all insolent and predatory,
That kissed the Countess dissolute,
That milked the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the dog,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

This is the fucking Cock that crowed in the morn,
That waked the False Priest all shaven and shorn,
That married the man all tattered and torn,
That kissed the maiden all forlorn,
That milked the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack built.

This is the Crew Farmer sowing his corn,
That fuck the cock that crowed in the morn,
That waked the False Priest all shaven and shorn,
That married the man all tattered and torn,
That kissed the maiden all forlorn,
That milked the June Judge with the crumpled horn,
That tossed the Legless Colonel,
That worried the crazy fat Cat,
That killed the mad rat,
That ate the China Bible
That grow mouldy in the hut that Jack steal.

Сенегал

В диком жарком Сенегале
Каннибалы, как грачи,
Меня сетью поймали
Без ладанки и свечи.
К баобабу привязали,
Затворили ворота
И от радости плясали
Дикий танец живота.
Меня в перья облачили,
Насажали чад кругом,
Тесаки всю ночь точили,
Миски драили песком.
Я оглох от гама, звона,
И плясала среди них
Нонна,
Нонна,
Нонна,
Нонна

...

Зря я помощь звал из леса,
Растеряв в кустах порты:
Где ж ты бродишь, мать Тереза,
Мать Тереза, где же ты?
Где же ты, Франциск Ассизский?
Чем ты всеу обуян?
Видишь, делают сосиски
Из румяных христиан?
Лишь на час оставь больницу,
Чтобы плакать не пришлось,
Брось стигматы, плащаницу,
И сутану тоже брось.
Зря я кликал мать Терезу,
И Франциска кликал зря —
На мой трубный зов из леса
Прибежали два хоря.
Я хорей послал к Харону.
Не увидел я среди них
Нонну, Нонну, Нонну, Нонну

.....

Но узнав, что я савейский
Правоверный, честный лох,
От позора вождь индейский
Завернувшись в плащ, исдох..
Я побрёл дорогой мгливой
Среди зайцев и слоних,

Игуан и пчёл в Тенистый
Вместе с барышней...
Так остался без обеда
Добрый, ласковый народ,
Вся страна мою победу
Отмечает каждый год.

Лава

Как лава, плавлюсь в судный день стыда
И возношу молитвы, как барсук,
Чья искренность, как спелая руда
На лике мира проступает вдруг.

Рокки Енот

Рокки-Енот
Не узнаёт,
Где он живёт
Сначала.
Рокки Енот
В стену плюёт,
Настолько его всё достало.
Рокки Енот
Горькую пьёт,
Мечтает начать всё сначала.
Обчистили Рокки Енота воры,
Правил игры не зная,
Священная книга
В углу до поры
Лежит, его поджидая.
Рокки Енот
Бога зовёт,
Бога зовёт,
Тот не идёт,
Тот не идёт,
Хоть знает,
Как Рокки Енот,
Рокки Енот,
Рокки Енот
Страдает.
Дом его пуст,
Ни слова из уст,
Лежит, как Прохруст,
Рокки Енот в кровати,
Рокки Енот
Горькую пьёт
И гонит взашей приятелей,
Рокки Енот
Горькую пьёт
Послания шлёт Гайавате.
Рокки Енот
Не узнаёт,
Где он живёт,
Почему
Рокки Енот
Тяжко живёт,
Никто
Не поможет ему.

Частушка на смерть радиозвезды

Мы вчера в прямом эфире
Развлекались вдругорядь:
Пили, пили, пили, пили,
А теперь идём ...ть!
Чёрный Дрозд
Смотрю на чёрного дрозда,
Поющего о смерти
И запекаются уста,
Хоть мысль моя как встарь чиста,
Но не умыты черти.

Слоны трубят, сирень в цвету,
Поёт о смерти дрозд,
Я к... пойду,
Дней провожая череду,
И в банк снесу я лебеду,
Пущу крапиву в рост.
Чернильницы и гнёзда
Я очень часто повторял:
«Не счесть, не тратьте сил,
Чернильниц, в коих я нырял
И гнёзд, в которых жил!»

Свирель

Для паренька влюблённого
Я сделаю теперь
Из прутика зелёного
Волшебную свирель.
И палочку чудесную
Приложит он у к устам.
И песенку прелестную
Споёт на радость нам
Суетна жизнь средь сует,
Полна она забот,
Как только он подует,
Как флейта запоёт.

Червяки

Мне это дело не с руки
И в этом вы не правы
Пусть копошатся червяки
В навозной жиже славы!

Вижу

На этом свете я живу
От вас недалеко
И часто вижу наяву,
Как жить вам нелегко.

Два града

Два города милых во Франции есть,
Зовётся один Обжимон,
Там девы блюдут свою доблесть и честь,
Но чем-то милее Давон.

Там девы не сыщешь, увы, ни одной,
Средь зланных давонских полей,
Как дрозд я летал, но Воронеж родной
Усталому сердцу милей!

Пусть фермер французский лелеет ружьё,
И чистит большой пулемёт,
И бдит пусть подружку, ведь сердце её
При слове «Чижевка» поёт.

Два города в Англии чопорной есть,
Зовётся один Обжимон.
Там свято блюдут свою доблесть и честь,
Но сердцу милее Давон.

Пусть лорд Эдинбургский храпит на мешке,
Но дела мне нет до руна,
Ведь дева британская сохнет в тоске,
Российскому флагу верна.

Юбчонкой шотландской, волынкою горд,
По свету бредёт пилигрим,
Да, Вена прекрасна, но Гамбургский порт
На свете ни с чем не сравним.

Два города в Пруссии чопорной есть,
Там пиво тягуче, как мёд,
Мне там хорошо, только смерть, ваша честь,
Оттуда меня заберёт.

Там столько традиций, их все перечесть
Не хватит недели в году,
И эти места. Я клянусь, ваша честь,
Я все. Как одно, обойду.

Пусть Ганс со штыком бродит ночь напролёт
У дома подруги своей,
Она далека, её сердце поёт
При виде посланца степей.

На глобусе город прекрасный найду
И в Давон отправлюсь тотчас,
Там девы честны, будь я проклят в аду
Четыреста семьдесят раз!

Русский узор

Русский узор – петухи
Вязь бестолкова
Глаза мои сухи,
Сердце сурово.

Один

В своей квартире я один
И море чёрное вокруг,
Кровавый Марс мой господин
И нежная Венера – друг.
Марс мне протягивает меч,
Венера манит в свой чертог,
Игра. Как будто стоит свеч,
Удача светит без потуг!
Как съесть бабушку
Знакомые мотивы, крокодил
Ел бабушку, скулил и слёзы лил.
К финалу
Стремясь к финалу, мы осуждены
Былые дни с тоской животной звать
И содрогаться от своей вины
И грусть свою из глаз не выпускать.
И некому ответить нам из тьмы
И улыбнуться (Это ты?) хоть раз,
Своим уделом мы осуждены
Печаль и боль не выпускать из глаз.

Не докучай удаче, ибо так
Ты можешь эту девушку смутить
И друг твой обернёт лицо, и враг
Покажет лик, который не забыть.
Того, что невозможно, не желай
Не спи на двух кроватях сгоряча,
А если нет, земной покинешь рай
И побредёшь, котомку волоча.

Когда же?

Бандитов бьёт в горах солдат,
О плиты лбом стучит прелат,
Лжёт каждым словом депутат
И небеса молчат сурово,
Когда же Бог отправит в ад,
Всю камарилью снова?

Болтовня

Господь мой носит балахон,
Такой, как я ношу во сне,
Но если голый будет он,
То что же дальше делать мне?
Слуга небес, таскает поп
Из церкви сало, мирру, воск
И я не знаю, отчего б
Он мог утратить форс и лоск.

В пути

Иду я тихо, путь далёк
Есть где-то жизнь иная,
Так одинокий мотылёк
Летит, куда не зная.
Всегда чужой улыбке рад,
Со мной всегда два друга:
Любовь – мой верный адвокат,
И грусть – моя подруга.
Иду я тихо, путь далёк
Есть где-то жизнь иная,
Так одинокий мотылёк
Летит, куда не зная.

Лондон

Заключены в вазы осенние розы.
Пусть в облачном небе гремят револьверы!
Роня на Лондон холодные слёзы
В моём изголовье вздыхают химеры.
Но слышишь? Раскаты осенние глуше!
Твой ангел в окне приспособился цепко.
Пока не просохли осенние лужи,
Спи крепко!
Спи крепко!
Спи крепко!
Спи крепко!

Порнодино

Скажи-ка дядя, что случилось?
На думу крыша обвалилась?
Или с небес иная милость?
Иль в голове пожар?
К чему бряцанье праздной лиры?
Не смеют что ли командиры
Оставить тёплые сортиры
И выдержать удар?

– Да, в наше время парни были!
Крутяк один! Сыны бутылки!
О них почти уже забыли!
Да где они теперь?
Гайдар, Шумейка и Бурбулис,
На штырь народный натолкнулись
С Поклонной Горки звизданулись
И вылетели в дверь!

Не помню где, в каком же годе
Мы долго ползали в болоте,
А вместе с нами Сиси, Клоди,
Ворчали старики:
– Сидеть, разнежась, на Рублёвке
Умеют праздные золотки,
А ну-ка, братец, где винтовки?
И ржавые курки?

Наш командир горланил: «Ну же!
Неужто тут зане и вчуже?»
И вот нашли большую лужу
Расставили редут.
У наших приключилась шизя —
Все швы в ширинках разошлись,
Все изблудились и спились
А кризис тут как тут!

Всё сверзилось и повалилось,
Всё завертелось, закрутилось,
Всё мигом вдруг остановилось.
Царь Тьмы! Уди! Уди!
Мы папу путали с Траволтой!
Был царь у нас ударен болтом
Комбат ужаленный дефолтом
Не мог себя найти.

Замечу я не для верлибра:
Был член огромного калибра
Чтоб у врага тряслися фибры!
Всемирный банк, смотри,
Как быстро встаём с кровати,
Как мы умеем воевати,
Какие тучные тут рати,
И сопли подотри!

Забыв позорный день вчерашний,
Зажав в руках флажки и брашны,
Неделю мы топтались страшно,
А в воскресенье – бах
Сказал полковник: «Ближе к делу!
А ну врага рванём мы смело!
Пощупать надо, что за тело!
И – прочь на всех парах!»

Каре капрал построил Дубин
Звучал, гремел победный бубен,
И я упал, упившись вдупель,
Всей мордой на лафет,
Хоть было лето, с воем вьюги,
Кругом валялися пьянчуги,
И враг затих вдали в испуге
И отливал в кювет.

Но только солнце засветилось,
Звезда за лесом закатилась,
Всё сразу вдруг зашевелилось
Попёр за роем рой
Полки-шмолки Маразмус, Гудин,
Чмоналин, Фалин и Егудин,
Строберифилдс и Диа Пруденс,
У всех штаны с дырой!

Как сладит враг с такой напастью?
«Перегрызу любого пастью!»
Так Ржевский всех поднял со страстью:
– Нам есть чего терять!
Мы кто? Под юбкой сладкой барды?
На лбу Г...о или кокарды?
Пусть сами думают бастарды!
Вперёд, е мать!

Потомки древней Каллиопы,
Сыны любимые Европы
На нас нацелив злые жопы,
На нас точили...

Но есть ответ! Хороший парень,
И не француз и не татарин
С ракетой грозною Гагарин,
Балет и не балуй!

Не только тут одни сугробы,
Француз, чтоб жизнь казалась, чтобы...
У нас тут есть такие жопы
На вас смешной редут,
Как страшно жить французик, боже!
Довольно вам французских рожек
Пошлём на вас ещё матрёшек
Они вас всех порвут!

Врага узревши, право слово,
Подняли мы кутью сурово,
Здорово, брат мусью, здорово!
А ну иди сюда!
Пращурь Пушкина, Бирона
Творцы бунта и самогона,
Посмотришь, как тут оборона!
А ну-ка господа!
Доколь понеже и однако!
Ты думал здесь раздор и драка,
Хотел трофей иметь, собака!
А ну ползи, как краб!
Не будешь ты головкой трона!
В твоём гробу сидит ворона!
Ты хочешь радости и звона
И вот тебе Приап!

Что было там? Среди перденья
Полки бойцов носились тенью
Француз, предавшийся раденью,
Попёр на нас стеной.
Князь тьмы, похожий на чекиста,
Два кирасира с видом глиста
И два церковника-хориста
Ударили в забой!

Вот был денёк!
У драной урны
Гремел ужасный марш бравурны!
А мы вскочили на котурны
Фортуна нам дала
Бумажки с мелкими кружками
Кармашки с рачьими крюками
И камера над мудаками
Трещала как пчела.

– А ну-ка Ваня прочь от печи!
Наш капеллан закончил речи,
И вот настало поле сечи
Для самых разных рас
Земля от взрывов задрожала
Какой аншлюс, какая жалость!
Сплелось всё в кучу и смешалось,
И тут уж был атас!

Ну что задумался, задира?
Француз уж мялся у сортира
Была у нас одна мортира
И пара аркебуз.
Для нас пример – Улисс в Итаке
Штыки настроили к атаке
Лишь громко лаяли собаки
И тужился француз.

Сначала нам враги задали
Мы молча по полю петляли,
Где выйти из лесу не знали
Сусанин нам помог
Он вывел сырых из пучины,
Видать не умерли мужчины,
Мы поклялись не без причины
Платить царю оброк!

Тем утром, солнцем не согретом,
Все были рады нашим бедам,
Конец каретам и обедам
Атас и караул
Спец по засекам и засадам
Наполеон грозил нам адом,
К нам повернулся толстым задом,
Захотал и бзднул.

Кутузов, где же ты скорее!
Упали на заставы реи.
У нас снесло две батареи
И несколько базук
Мы ясно видели издали
Держа в руках свои скрижали,
Окровавленные лежали
Раскинув клешни вокруг.

Мы верность родине хранили,
И отбежав до третьей мили,
Мы вне себя от гнева были

Гурьбой поклялись так
Хоть я и того и не приемлю
Стоять пока по шею в землю,
Прегородив дорогу к Кремлю
Нас не загонит враг.

Какие вервия и даты
Мы были brave солдаты
И наш полкан летал поддаты
Подняв как саблю...
Конечно, мы их победили
Конечно, мы их всех побили
Но нам по шее навалили
По самый не балуй!

Да, были всякие засады!
На порубали сильно гады
Окончить дело были рады
Богатыри – не вы!
Домой пошли без сбережений
Экс-инженер, поэт и гений
Когда б не библии и пени,
Не отдали б Москвы!

Чаепитие в Мытищах

Целый вечер ветер свищет,
Ходят люди без штанов.
Чаепитие в Мытищах —
С чашкой пухнет ...шов.
Дует щёки дядя..го
В фуре с бешеной тульёй.
Он в беде не бросит друга,
Охмы-хохмы-ой-ёй-ёй!
...цин горд своим народом,
Он издать желает клик,
Но кремлёвским бутербродом
Заперт вещей сей язык.
Оттопырены карманы.
О шигейла! Шигеллэз!
Щёки полные румяны,
Фиолетов пьяный нос.
В бане чахнет дядя Катин,
Молодой как антрацит,
Под столом сидит ...тин,
Громко пукнуть норовит.
Целый вечер ветер свищет,
Ходят люди без штанов.
Чаепитие в Мытищах —
С чашкой пухнет ...шов.

Песня Путника

Хочу я отрешиться от ярма
Тяжёлой и томительной работы,
Но как пчела, стремящаяся в соты,
Мечусь бесплодно.

Горе от ума

От жизни похудел и сник такой.
Мой день всегда окончен причитаньем,
Ты обошёл меня своим вниманьем,
Господь мой, всем дарующий покой!
Да, дней моих уныла черед,
От радостей летучих ни следа,
По почве зыбкой
Я б не прошёл среди всех зол и бед,
Когда б в пути я не был вдруг согрет,
Мой друг, моя любовь, твоей улыбкой!

Год печали

Год печали неизбывной,
Год, затмивший тьмою свет,
Ты явился чёрной гривной,
Пятаком в копилке бед!
И сижу я, как меняла, в куче старого тряпья,
Предо мной моя пиала и душа моя темна.

Партии – слава!

Партии – слава! Родине – слава!
Шарик – налево! Шарик – направо!

На ложе

На ложе моём караулю того,
Которого душенька ждёт,
Я в поиск пустилась во имя того,
Который вовек не придёт.
Я слышу, я вижу, я чую его
Миг, целую вечность и год,
На ложе моём караулю того,
Который ко мне не идёт.

Аргонавт

Друг милый! Труба аргонавта зовёт!
Я здесь не оставлю следа,
Когда гордый «Боинг» меня оторвёт
От этой земли навсегда.
Термиты в голове
В моей алмазной голове
Термиты проточили путь
По направлению к сове
Или ещё куда-нибудь.
И чистой линии полёт...

Хорошо учиться

Хорошо учиться,
Выгодно жениться,
Умереть красиво —
Вот мечта начдива.

Молошник

– Где, молошник, ты бывал?
– Был на шабаше средь скал
Там всю ночь девчонки
Пляшут без юбчонки!
– Где, молошник, ты бывал?
– Там, где дьявол пировал,
Под скалою чёрной!
Парень он проворный!
Где же ты, молошник был,
Что увидел оком?
– Там, где милую любил
В вереске высоком!

Кому я давал присягу

Давая присягу я кому,
Не вспомню, да и не пойму!
Я званья вам и почести верну —
Я присягал не этому ...!

Бедность

Когда нас бедность облачит
В лохмотья бедняка,
И непогода заворчит,
И вспенится река
И дрозд полночный закричит:
Уга! Уга! Уга!
Нас даже бог не отличит
От злого дурака.
Мне приходилось онеметь,
Вступив в шатёр лесной,
Пред невозможностью воспеть
Вот этот рай земной.
Кукушка говорит куку,
И филин не молчит,
Готовит жуткое «Угу»
И вот он вновь кричит,
И мышка серая в стогу
Травую шелестит.

Сфинкс

Он твердит, гроыхая колёсами:
«Рай твой, раб, невозможно далёк!»
И печально смотрю на колосса я,
Как на месяц лисица фенёк.
Каменеет в руках его палица,
Ты не жди никаких перемен,
И в меня он насмешливо пялится,
Как в мокрицу глазастый Биг Бен.
И держу свою фигу в кармане я,
Потому что в кармане – живой,
И висит его злое молчание,
Как топор над моей головой.
Он уполз, гроыхая колёсами,
Превратив моих спутников в сок,
И печально смотрел на колосса я,
Как на месяц лисица фенёк.

Не допускай!

Не допускай беду во двор,
За ней ворвётся стая бед
И дикий ветер, словно вор
Затмит отчаяньем весь свет.
Не замутняй, о, чистоты,
Пустой надеждой не бряцай,
Фальшивым золотом мечты,
Врагу распахивая рай.
На женщин все не смотри,
Дитю природы не дано
Без страха и тоски идти
Туда, где сиротливо и темно.
Звезда не светит одному,
Но проливает свет на всех,
Она прощает всё ему —
Слезу отчаянья и смех.
Не допускай беду во двор,
За ней ворвётся стая бед,
И дикий ветер, словно вор
Заполонит печалью свет.

Белее снега

Как чистый айсберг, хочешь ты
Белее снега стать,
Но ядовитой клеветы
Тебе не избежать.

Слова любви

Любовь, Достаток, Честный Труд —
О них мечтаем мы подчас
И их владельцев узнают
По неземному свету глаз.
И я такой же. Как любой,
Не жду подарков от судьбы,
И недоволен я судьбой,
Как, не боюсь соврать, и ты!
Любовь, что выше гор, на дне
Поднимет дух и плоть всегда
Она естественна во мне,
Как родниковая вода.
Я здесь в гостях на краткий миг,
Мне недосуг о том грустить,
Что даже Будда не постиг
И не постигнет, может быть!
Встающий на востоке круг —
Приятный, радостный сюрприз,
И даже грусти недосуг
Мои глаза направить вниз.
О сыне помню. Каждый миг
И каждый час, он близок нам,
Ведь, я потуплюсь, он возник
Благодаря моим трудам.
Я преклоняюсь пред Христом,
И даже думаю – не зря,
Но он не защитит мой дом
От диких ветров января.
На Магомета и Христа
Я не обижен, из-за них
Не буду изводить уста
Я в славословиях пустых.
Богов мне не за что винить,
Ведь я не инвалид на дне,
Хотя им следовало быть
Чуть благосклоннее ко мне!
О милой, видит бог, грущу,
Когда она вдали – верней,
Но описание опушу,
Чем занимаемся мы с ней.
Зачем, коль некому помочь,
Слова плодить, тревожить хор
И воду в решете толочь
И городить безумный вздор.
Украсть чужое наяву —

Иной цель жизни видит в том,
Ценю я то, что наживу
Своим, а не чужим трудом.
Я не богат, но горевать
О том не буду – суждено
И много зелени нарвать
В таком саду мне не дано.
Отчизны незаконный сын,
Уже не жду её щедрот,
Но ей ненужный гражданин
Слова любви не принесёт.
Здесь не получится, не вру,
Тогда покину вас, друзья,
Свою котомку соберу
И побегу за солнцем я.
Лететь, катиться, плыть верней,
Чем загнивать, вращая в ил,
Видать не зря Господь корней
Мне, это зная, не ссудил.
А перед тем, как отойти
В страну теней, где ждёт покой,
Я тем, кто был со мной в пути
Напосошок махну рукой.
Любовь, Достаток, Честный Труд,
О них мечтаем мы подчас,
И их владельцев узнают
По неземному свету глаз,
По неземному свету глаз,
По неземному свету глаз.

В сердце прекрасного бога

Да, я печалюсь немного
В венце умирающих сплошь,
Но в сердце прекрасного бога
Ты одиноко живёшь.

Ревущая лавина

Тот, кто имеет крышу и кровать,
Фортуной защищён наполовину,
Но будь настороже, не надо спать,
Чтоб не попасть в ревущую лавину.

Вместе

Вместе с бедною страной
Погружаюсь в мрак забвенья,
Мозг усталый и больной
Отметает сожаленья.
Землю трогаю клюкой.
Вместе с сирью страной
Что же делать? Ничего!
Бисмарк. Лучшее словечко.
Странник. Посох – дар его.
Занесу в судьбу навечно.
Вой – далёко-далеко.
Что же делать? Ничего!
Вместе с бедною страной
Погружаюсь в мрак забвенья.
Тот, кто предан сатаной,
Норовит забыть моленья.
Лунный диск передо мной.
И пред бедною страной
Были рощи и поля.
Был оазис с ключевой
Жадной влагой, но земля
Оказалась неживою.
Мозг усталый и больной,
Камни, стены и строенья,
Вместе с бедною страной
Погружаюсь в мрак забвенья.

Целая шкура

За целость шкуры вы могли
Предать, ограбить и убить,
Спалить крестьянские стебли
И утащить у пряжи нить.

Мяч

Фанат футбольный, друг, не плачь,
Коль вдруг когда-то, кто-то
Забьёт ударом страшный мяч
В дубовые ворота.

Моли из Платяного Шкафа

Ах, Моль! Безжалостен я был
С тобой, моя бедняжка!
Я, не подумав, придавил
Тебя рукою тяжкой.
Я жизнь не мыслю без вина,
А ты погибла даже
За то, что чисто влюблена
Была в простую пряжу.
Вся знает, что наступит час,
Когда средь сна и храпа
Старуха Смерть придавит нас
Своей костлявой лапой.
Ты редко зрела белый свет,
Твой дом – моя штанина,
И для тебя страшнее нет
Приправ из нафталина.
На свете белом я цвету
И то ж другим советовал,
А ты любила темноту
И не скрывала этого.
Ну что ж, пускай иная рать
Себя запретом пичкает,
Была вольна ты поступать,
Руководясь привычкою.
Ах, Моль, безжалостен я был
С тобой, моя бедняжка!
Я, не подумав, придавил
Тебя рукою тяжкой!

Баон

В «Баоне» продавали примуса.
Сидел старик, покрытый звёздной пылью,
Быть может час, а может три часа
И проклинал раздор и камарилью,
Что алые свернула паруса.
В «Баоне» продавали примуса.

Весна

Когда с холмов подтаивает снег,
И ветер носит возгласы ручья,
То перед вами новый человек,
Совсем не тот, что давеча был я.
Когда природа завершает круг,
Когда чиста небес голубизна,
Моей душой овладевает вдруг
Одна печаль, прозрачна и чиста.
Когда в лугах цветы весны цветут,
Когда пчела нашла у них приют,
То я лежу на травке мягкой. Тут
Я ощущаю быстрый бег минут.
Путей не счесть моих, а жизнь одна —
Невосполнимый и бесценный дар.
То, что уходит некогда от нас,
То возвращается печальное всегда.
Приди ко мне с любовью, лучший друг,
Приди улыбкой юности сверкнуть.
Воспоминания в груди живут
О встрече с той, кого уж не вернуть.
Путей не счесть моих, а жизнь моя одна,
Невосполнимый и бесценный дар.
То, что уходит некогда от нас,
То возвращается печальное всегда.

Колокол

Колокол выстроил звоном
Звуков серебряный мост.
В омуте неба чернёном
Плавали лилии звёзд.

Песня на досуге

Бросал я невод в океан,
но пуст по прежнему карман,
хоть нет на нём прорехи,
мне платят на орехи.
Строгал я доски день деньской
и не один десяток,
я не отвечу вам, какой
я приобрёл достаток.
Потом таскал в мешках зерно,
и проклял жизнь такую,
вот если попаду на дно,
то ниже – не рискую.
Когда работал я в порту,
то остр был вкус дубинки.
День целый не было во рту
ни маковой росинки.
Работать мне не мудрено
с мозолями до пота,
на ужин я сварю пшено,
потом опять – работа.
Чем больше трудишься, корпишь
и производишь вещи,
тем больше получаешь лишь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.